

ДИСКУРСНАЯ ИДЕЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

¹Килевая Л.Т., ²Кадырова Г.Р.

¹*Лингвистико-технический университет, Пиасныш, Польша, e-mail: kilevaya@mail.ru;*

²*Казахский национальный исследовательский технический университет
им. К.И. Сатпаева, Алматы, e-mail: rabikovna@mail.ru*

Статья генерирует мысль о том, что гносеологический материал лингвистических направлений современной постмодернистской (антропологической) парадигмы целесообразно оптимизировать с учетом коммуникативного фактора и – шире – дискурсной идеи. Она заключается в способности участников коммуникативного акта строить диалог таким образом, чтобы донести мысль до собеседника путем «процесса взыскательной аргументации», обеспечения взаимопонимания разрешения дискуссии с учетом социально-исторических реалий эпохи. Это позволяет ввести данный материал в практическую плоскость и прогнозировать степень участия воздействующей функции в процессе коммуникации. Исследование базируется на фактическом материале, в основу которого легли доминирующие эпистемические положения отдельных направлений современной лингвистической парадигмы, а также фрагменты языковых и социокультурных фактов, вписывающихся в контекст этих положений в качестве иллюстративного материала. Изложенные особенности его восприятия в совокупности с комплексом применяемых методов исследования подтверждают приемлемость предлагаемой гипотезы. В работе обосновывается положение о том, что знание эпистемического материала является обязательным для успешного протекания коммуникации, но его усвоение отнюдь не предполагает оценку фактов, иллюстрирующих конкретные составляющие понятийного аппарата, то есть реализации дискурсной идеи. В процессе преподавания теоретических дисциплин, связанных с современным языкознанием, изложение эпистемического материала в таком аспекте формирует мотивационную базу к осознанному его освоению.

Ключевые слова: коммуникативный процесс, дискурс, дискурсная идея, постмодернизм, постмодернистская (антропологическая) парадигма, гносеологический материал

DISCURSIVE IDEA IN THE MODERN LINGUISTIC PARADIGM

¹Kilevaya L.T., ²Kadyrova G.R.

¹*Linguistics-Technical University in Przasnysz, Poland, e-mail: kilevaya@mail.ru;*

²*Satbayev University, Almaty, e-mail: rabikovna@mail.ru*

The article generates the idea that the epistemological material of the linguistic directions of the modern postmodern (anthropological) paradigm should be optimized taking into account the communicative factor and, more broadly, the discourse idea. It consists in the ability of participants in a communicative act to build a dialogue in such a way as to convey a thought to the interlocutor through the «process of exacting argumentation», ensuring mutual understanding and resolution of the discussion, taking into account the socio-historical realities of the era. This allows you to introduce this material into a practical plane and predict the degree of participation of the influencing function in the communication process. The study is based on factual material, which is based on the dominant epistemic provisions of certain areas of the modern linguistic paradigm, as well as fragments of linguistic and sociocultural facts that fit into the context of these provisions as illustrative material. The outlined features of his perception in conjunction with the complex of applied research methods confirm the proposed hypothesis. The paper substantiates the position that knowledge of epistemic material is obligatory for the successful course of communication, but its assimilation does not imply an assessment of the facts illustrating specific components of the conceptual apparatus, that is, the implementation of a discourse idea. In the process of teaching theoretical disciplines related to modern linguistics, the presentation of epistemic material in this aspect forms a motivational base for its conscious mastering.

Keywords: communicative process, discourse, discourse idea, postmodernism, postmodern (anthropological) paradigm, epistemological material

Современная картина лингвистического знания, отличаясь многообразием палитры, формирует целый ряд направлений, объединенных единой антропологической парадигмой, которая базируется на парадигме структуралистской. Обусловленный модернистской интерпретацией культуры, структурализм предшествующей эпохи глубоко закрепляется в трактовке лингвистических фактов и формирует систе-

моцентрический подход к категоризации лингвистического знания. Наиболее четко он обозначается в не утратившей своей актуальности теории Фердинанда де Соссюра, а также в трех составляющих семиотики Чарльза Пирса: семантики, синтактики, прагматики. Постмодернистская культурная парадигма, построенная на принципе антропоцентризма, смещает акценты лингвистического знания в сторону человека,

что отражается на тематике современных лингвистических исследований, все больше вписываемых в коммуникативный аспект. Позиционируя себя в качестве альтернативы традиционному языкознанию, современная лингвистическая парадигма в значительной степени формируется на основе анализа коммуникативной деятельности человека и ее результатов в виде актуализации определенных социальных ценностей. Это находит свое подтверждение в результатах научных трудов, которые составляют методологическую основу настоящего исследования [1–3]. Актуализация в них интереса к коммуникативной деятельности с доминирующей ролью говорящего, конструируемой посредством дискурса, позволяет определить современную языковедческую парадигму как лингвистику дискурса [4].

Вместе с тем согласно располагаемому материалу научные разработки такого рода ограничиваются изложением гносеологических данных, замыкаясь рамками исключительно соответствующего лингвистического направления. Научная риторика современности, однако, диктует проецирование их на социальный процесс, реализуемый в дискурсивной деятельности [5]. Актуальность настоящего исследования заключается в необходимости поисков интегративного подхода к получению и презентации лингвистического знания применительно к постмодернистским направлениям. Постмодернистская система ценностей с доминирующим в ней свойством нивелирования амбивалентности позволяет расширить гносеологическую базу описываемого лингвистического направления с учетом социально-прагматического (дискурсивного) аспекта.

Цель исследования: обоснование эффективности формирования лингвистического знания и совершенствования понятийного аппарата каждого из направлений постмодернистской парадигмы сквозь призму дискурсивной идеи. Декларируемая цель включает в себе новизну исследования, состоящую в том, что в нем представлена концепция целесообразности экстраполяции гносеологического материала лингвистических направлений постмодернистской парадигмы на дискурсивный контекст.

Материалы и методы исследования

Фактическим материалом исследования послужили доминирующие эпистемические положения современной лингвистики, отражающие содержательную сущность отдельных направлений постмодернистской парадигмы. Актуальными в этом ключе явились направления, отражающие линг-

вистическое знание, сформированное в том числе на основе одного из принципов дискурса. Это предопределяет возможность интегративного подхода к формированию и совершенствованию этого знания с проекцией на дискурсивную идею. В качестве источников фактического материала использовались лингвистические исследования, опубликованные в научных изданиях последних десятилетий, которые посвящены изложению основных характеристик научных направлений постмодернистской парадигмы. Материал собирался путем метода сплошной выборки, а также избирательным методом.

В процессе анализа фактического материала применялся комплекс приемов описательного метода исследования: наблюдение над анализируемым материалом, интерпретация и обобщение эпистемических характеристик соответствующего постмодернистского направления. С целью обоснования предлагаемой концепции использовался гипотетико-дедуктивный метод.

Результаты исследования и их обсуждение

Постмодернистская парадигма во всей палитре ее лингвистических направлений, возникшая на основе структурализма в осмыслении языкового знания, стремится отказать от дуальных оппозиций структурализма, а периферийное и маргинальное объявляет равноправным ядерному. В контексте такого мировосприятия ощутимо размываются границы между реальным и виртуальным пространствами, что влечет за собой возможность вариативной интерпретации заданного фрагмента действительности. Известный постмодернистский призыв, запечатленный в заглавии статьи Лесли Фидлера «Пересекайте границы, засыпайте рвы» [6], находит воплощение в нивелировании амбивалентных ценностей, таких как жизнь и смерть, верх и низ, мужское и женское, субъект и объект, что соответствует модели одноуровневой реальности, а постмодернистское сознание характеризуется как феномен одноуровневой культуры [7, с. 35]. В фокусе этого сознания анализируются языковые факты, в центре которых стоит человек говорящий – носитель языка. Принцип, на котором строится их анализ, существенно отличается от структурального по целому ряду факторов, поскольку эти научные парадигмы формируются в контексте разных принципов и в целом – разных культурных парадигм.

Многоплановость антропологической парадигмы заключается в том, что состав-

ляющие ее направления в содержательном плане включают теории, в которых доминирует, с одной стороны, человек в языке, с другой стороны – язык в человеке. Эти противоположные, но в то же время взаимно пересекающиеся аспекты лингвистических направлений Л.К. Жаналина определяет как антропоцентрическая и лингвоцентрическая аспектуализация [8]. В рамках антропоцентрической аспектуализации доминирующим оказывается принцип антропоцентризма, предопределяющий смещение акцента лингвистического знания в формате «язык – человек» на человека, то есть на интерпретацию лингвистического знания с позиции человек в языке. В рамках лингвоцентрической аспектуализации доминирующим является принцип лингвоцентризма, основанного на актуализации языка в структуре «язык и человек», а именно: язык в человеке.

Одноуровневая культура, однако, с характерным для нее отсутствием амбивалентности содержит почву для нивелирования принципов антропоцентризма и лингвоцентризма, что позволяет анализировать языковые факты при категоризации лингвистического знания на взаимной основе. В контексте доминирующей роли дискурсологии гносеологический материал каждого лингвистического направления целесообразно расширять с учетом дискурсной идеи. Подчеркнем, что опыт подобного рода анализа отмечается в лингвистических исследованиях В.Е. Чернявской применительно, в частности, к корпусной лингвистике [9]. Это предопределяет изложение сущности данной идеи в свете термина «дискурс».

Введенное структуралистами понятие «дискурс» не получило до настоящего времени единообразного определения. Не углубляясь в его интерпретационную полемику, предлагаем следующие приоритетные составляющие, обозначенные в дефиниции термина «дискурс» известным российским исследователем Н.Д. Арутюновой [10]: а) связный текст вместе с экстралингвистическими: прагматическими, социокультурными, психологическими и др. – факторами; б) текст, взятый в событийном аспекте; в) речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания, как речь, «погруженная в жизнь» [10, с. 137]. Обозначенные характеристики дискурса как особого способа общения на фоне восприятия мира позволяют определить этот феномен с проекцией на точку зрения Французской школы анализа дискурса, представителями кото-

рой являются М. Пешё, М. Фуко, П. Серию, М. Лакло и другие [11]. Ученые этой научной школы разработали достаточно четкую теорию данного феномена, исключив из нее размытость и возможность отождествления со смежными понятиями. С учетом определенной доли погрешности предлагаем следующую рабочую дефиницию данного термина: дискурс – это коммуникативная деятельность в определенной историко-культурной формации, направленная на воздействие на адресата с целью изменить его суждения и социальное поведение в пользу производителя речи (адресанта).

Обозначенная дефиниция дискурса позволяет сформулировать дискурсную идею, суть которой заключается в следующем: конечная цель любой коммуникации состоит в утверждении собственной позиции говорящего путем использования комплекса неопровержимых аргументов, излагаемых в контексте социально-исторических реалий эпохи, и в достижении консенсуса в процессе диалога. Анализ гносеологического материала показывает, что обозначенная идея отчетливо вписывается в те лингвистические направления постмодернистской парадигмы, в категоризации знания которых участвует один из принципов дискурса.

Наиболее эффективным оказывается исследование языковых фактов с учетом дискурсной идеи в рамках когнитивного направления в лингвистике. О взаимозависимости когнитивной и коммуникативной составляющих в процессе речемыслительной деятельности заявляют многие ученые, такие как А. Киклевич [4], В.И. Кабрин [12]. При этом в предлагаемом ими понятийном аппарате используется терминологическое единство в виде прилагательного *когнитивно-коммуникативный*. Так, И.С. Шевченко, определяя дискурс как когнитивно-коммуникативный феномен, выявляет в нем интегральное мыслительное и коммуникативное начала в их единстве в общении [13, с. 153].

Мировосприятие и миропонимание как доминирующие свойства данного направления обуславливают специфику социального развития, на фоне которого осуществляется коммуникативный процесс, основанный на принципе социального конструктивизма [14]. Сущность принципа состоит в интерпретации фрагментов текста не в качестве составляющих определенного речевого акта, а как своеобразных «кирпичиков», из которых складываются социальные отношения, образы «себя» и «других», различные аспекты личности, воссоздаваемые и проживаемые в каждом коммуникативном акте. Среди ключевых посылок данного принципа актуальным применительно

к нашему исследованию является постулат о том, что связь между знаниями и социальным поведением заключается в обусловленности социального поведения знаниями о мире. Как видим, в данном постулате отчетливо прослеживается взаимосвязь когнитивной и коммуникативной составляющих, что предопределяет учет при анализе языковых фактов дискурсной идеи.

Углубление и расширение гносеологического материала когнитивной лингвистики целесообразно производить в направлении коммуникативной траектории. Так, позиционируя такие ментальные характеристики русского человека, как конкретное дело, трудолюбие, качество дела, запечатленные в языковой картине мира в соответствующей лексике и в грамматических категориях прилагательного и вида, эффективно обозначить потенциально возможную степень воздействия этих характеристик на адресата. В коммуникативном процессе это может проявиться в утверждающей силе обозначенных ментальных характеристик путем воздействия на собеседника и вовлечения его в собственную сферу убеждений, результатом чего является реализация дискурсной идеи.

Следует, однако, подчеркнуть, что реализация потенциально заложенной в коммуникативном процессе дискурсной идеи не является обязательной. Это связано с участием аксиологического фактора, предопределяющего оценку коммуникантами фрагментов картины мира. В случае позитивной оценки возрастает возможность воздействия на адресата, следовательно, реализации дискурсной идеи. При негативной либо нейтральной интерпретации некоторых фрагментов картины мира роль воздействующей функции сводится к минимуму. Так, приемлемость одним из коммуникантов таких черт русской ментальности, как собранность, является достаточно сомнительной, если он принадлежит к представителям индивидуалистской культуры. Знание этой ментальной характеристики, равно как и ряда других, является базовой основой для успешной коммуникации, но отнюдь не предполагает реализацию дискурсной идеи. Представляется необходимым в процессе изложения теоретических сведений когнитивистики актуализировать мысль о значимости разграничения знаниевого и оценочного форматов коммуникации с доминирующей ролью первого из них. Если знание ментальности народа является обязательным для успешной коммуникации, то оценка его содержательной информации носит факультативный характер и является вторичной.

Расширение гносеологических данных когнитивного направления находит практическое применение, в частности, в процессе преподавания гуманитарного цикла дисциплин. Так, согласно располагаемым данным, не только учащиеся, но зачастую и учителя русского языка казахстанских школ интерпретируют знаниевый формат в учебниках русского языка в виде русской картины мира как своего рода навязывание им образцового взгляда на мир, иного менталитета. В данном случае важно обозначить и донести до учителя и обучающихся значимость постижения ментальных особенностей русского народа – исконного носителя русского языка – для успешной коммуникации, но отнюдь не для освоения материала с целью воздействия на обучающегося, то есть с целью реализации дискурсной идеи. Приоритет оценочного аспекта над знаниевым отмечается также, например, во мнении отдельных представителей белорусской интеллигенции по поводу восстановленных Мирского и Несвижского замков, представляющих собой колоссальное культурное наследие страны. В качестве аргументов выдвигается оценочная фрагментарность: польское подневолье белорусов эпохи Радзивиллов при полном игнорировании знаниевого фактора – историко-культурной значимости материального наследия той эпохи. Приведенные примеры наглядно иллюстрируют тот факт, что знание может существовать вне оценки, ограничивая реализацию дискурсной идеи в процессе коммуникации.

Обозначена, но не всегда может быть реализована дискурсная идея в тезаурусном направлении современной лингвистической парадигмы. В системе осмысления, трактовки языковых фактов и категоризации лингвистического знания данное направление базируется на принципе диалогичности дискурса. Как известно, в классической структуре языковой личности ее конечным уровнем является коммуникативно-прагматический, предполагаемый коммуникативный процесс. Данный уровень основывается не только на вербально-семантической базе (языковой аспект), но и на картине мира (культурно-исторический аспект) его участников как языковых личностей. В этом случае, по справедливому замечанию М. Силантьевой, языковая личность предстает как субъект дискурса, «способ организации которого отражает способность языковой личности его вести» [15, с. 201]. Отсутствие сопряженности картин мира участников диалога, в случае инициативы воздействия на адресата со стороны одного из участников, неизбежно приводит к коммуникативному сбою.

Возможность коммуникативного сбоя достаточно ощутима в общении представителей разных культур. Не случайно основной причиной формирования направления межкультурной коммуникации явилась необходимость разработки теории, предупреждающей диссонанс в коммуникативном процессе в виде межкультурного барьера либо межкультурного шока. Заложённая в данном лингвистическом направлении дискурсная идея может быть реализована лишь при актуализации ценностной составляющей высказываний с фильтрацией их в соответствии с культурно-историческим фоном, на котором они реализуются. В данном случае отчетливо прослеживается принцип историчности в процессе межкультурной коммуникации, который характеризуется Французской школой анализа дискурса следующим образом: историчность дискурса обуславливается тем, что «его производство осуществляется в определенных условиях», он проецируется в «будущее», «создает традицию, прошлое и оказывает влияние на происходящие события» [11, с. 209]. Согласно М. Фуко, дискурс представляет собой фрагмент истории, который накладывает на него свои ограничения. Ученый исходит из того, что среди бесконечного множества высказываний существуют те из них, которые мы никогда не произносим, поскольку их означивание противоречило бы правилам дискурса, принятым определенной исторической эпохой [11]. В частности, игнорирование мнения адресата, выражаемое в виде использования адресантом высказываний, содержащих негативное отношение к стремлению возродить традиции и обычаи предков в казахской среде, неизбежно приводит к минимизации воздействующей функции и самой дискурсной идеи, поскольку процесс коммуникации протекает уже в условиях независимости страны. Некорректными в этом контексте представляются высказывания, проецирующие на определенные негативные моменты, например, прошлых польско-белорусских либо польско-украинских отношений. Неизбежность углубления теории межкультурной коммуникации в данном ключе совершенно очевидна.

Дискурсная идея в прагматической лингвистике заложена в самом термине «прагмема», который, в отличие от информемы, не просто отражает действительность, но и выражает личностное отношение к этой действительности путем подбора оптимальных средств. Совмещая в своем лексическом значении предметный и оценочный компоненты [16, с. 38], прагмема принимает на себя воздействующую роль

и способствует актуализации знаний адресата. Как справедливо отмечает Н.Е. Василенко, выбор референта концентрируется не только на значении языкового знака, но в большей мере на отношении коммуникантов к излагаемому, то есть на их ценностных приоритетах [17], что определяет степень реализации дискурсной идеи.

Заключение

Таким образом, дальнейшее исследование языковых фактов с целью оптимизации гносеологического материала целесообразно осуществлять в проекции на механизм протекания речевого акта. Он позволяет уже в рамках базовых положений парадигмального направления прогнозировать утверждение либо опровержение влияния высказывания на адресата и его социальное поведение, то есть прогнозировать действительность дискурсной идеи. В процессе преподавания актуализация теоретического материала, интерпретирующего понятийный аппарат направлений лингвистической парадигмы, обеспечивается введением его в практическую плоскость дискурса, что усиливает мотивацию в его освоении.

Ограничение настоящего исследования рамками гносеологического материала предопределяет: а) экстраполяцию обозначенной концепции на другие лингвистические направления современной постмодернистской парадигмы; б) экспериментальную проверку представленных материалов дедуктивного характера.

Список литературы

1. Стернин И.А. Основы речевого воздействия. Воронеж, 2012. 178 с.
2. Kiklewicz A. Communication phenomena (norms and deviations in language behavior). Olsztyn, 2020. 500 p. (Kiklewicz A. Fenomeny komunikacji (normy i dewiacje w zachowaniach językowych). Olsztyn, 2020. 500 p.).
3. Киклевич А. Современное польское и русское языкознание в свете социологии науки // *Przegląd wschodnioeuropejski*. VII/2. 2016. С. 269–279.
4. Discourse: aspects of linguistics, semiotics and communication / edited by A. Kiklewicz, I. Uchwanova-Szmygowa. Olsztyn, 2015. 312 p. (Dyskurs: aspekty lingwistyczne, semiotyczne i komunikacyjne / Pod red. A. Kiklewicza, I. Uchwanowej-Szmygowej. Olsztyn, 2015. 312 p.).
5. Ван Дейк Т. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: UPSS, ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.
6. Фидлер Л. Пересекайте границы, засыпайте рвы // *Современная западная культурология: самоубийство дискурса*. М., 1993. С. 462–518.
7. Жумабекова А.К., Килевая Л.Т. Структура современного языкознания. Алматы: КазНПУ им. Абая, изд-во «Улагат», 2015. 240 с.
8. Жаналина Л.К., Килевая Л.Т., Касымова Р.Т., Маймакова А.Д., Абаева М.К. Язык современной науки: Языковые портреты. Учимся искусству научной речи / Под ред. Л.К. Жаналиной. Алматы, 2010. С. 6–88.

9. Чернявская В.Е. Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике // Вестник Томского университета. Филология. 2017. № 50. С. 135–148.
10. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
11. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с франц. и португ./ Под ред. П. Серно. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. 416 с.
12. Кабрин В.И. Транскоммуникация: преобразование жизненных миров. Томск: Издательство Томского университета, 2011.
13. Шевченко И.С. Дискурс как когнитивно-коммуникативный феномен: единицы и категории // Лингвистические исследования: сборник статей. ЕГУ. Вып. 5. Ереван: Лимуш, 2015. С. 146–158.
14. Йоргенсен М.В., Филипс Л.Дж. Дискурс-анализ: теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
15. Силантьева М. Языковая личность как «генератор» различных типов дискурса // Dyskurs: aspekty lingwistyczne, semantyczne i komunikacyjne / Pod red. A. Kiklewicza i Ireny Uchwanowej-Szmygowej. Olsztyn, 2015. P. 199–207.
16. Савина А.П. Прагмема как единица оценочной лексики // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 1. С. 29–39.
17. Василенко Е.Н. Языковые средства убеждения в политическом дискурсе: монография. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2018. 164 с.